

ДЖОЗЕФИНА

ТЭЙ

*ШИЛЛИНГ
НА СВЕЧИ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Джозефина Тэй

Шиллинг на свечи

«Издательство АСТ»

1936

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Тэй Д.

Шиллинг на свечи / Д. Тэй — «Издательство АСТ»,
1936 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-160332-8

На пляже найдено женское тело. Вскоре во всех газетах появляется новость: всемирно известная актриса Кристина Клей утонула. Но был ли это несчастный случай? Зная окружение жертвы, можно с уверенностью сказать, что множество людей могло желать ее смерти: неверный муж, жадный брат, предполагаемый любовник. Не говоря уже о том, что последние дни своей жизни она провела с молодым незнакомцем, которому оставила большое наследство. Для раскрытия столь сложного дела потребуется все мастерство инспектора Алана Гранта, вызванного из Скотленд-Ярда. По мотивам романа Альфред Хичкок в 1937 году снял фильм «Молодой и невинный».

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-160332-8

© Тэй Д., 1936

© Издательство АСТ, 1936

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	17
Глава четвертая	19
Глава пятая	29
Глава шестая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Джозефина Тэй Шиллинг на свечи

Josephine Tey

A SHILLING FOR CANDLES

© Josephine Tey A SHILLING FOR CANDLES

© Перевод Е. Бросалина, наследники, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава первая

Ранним летним утром Вильям Поттикери шел своим привычным маршрутом по травянистой дорожке, которая вилась по скалам вдоль морского берега. Было немногим более семи. Далеко внизу, как молочно-белый опал, светилась водная гладь Ла-Манша. Пронизанный солнцем воздух был легкий и чист – даже жаворонков еще не было видно, только откуда-то с пляжа доносились крики чаек. За исключением прямой, маленькой, одинокой фигуры самого Поттикери, ландшафт был пустынен. Человека с воображением миллионы сверкающих, чистых капелек росы на зеленой траве навели бы на мысль, что мир Божий переживает свой первый миг творения. Однако Вильяму Поттикери воображение было чуждо. Роса для него означала только, что ночью был туман и солнце еще не успело высушить оставшуюся влагу. Он отметил этот факт совершенно бессознательно, занятый мыслями о том, следует ли ему, поскольку он уже нагулял себе аппетит, повернуть у Расщелины назад, к береговой станции спасательной службы, или же, используя хорошую погоду, дойти до Вестовера. Там он мог бы купить газету и ознакомиться с сообщением о каком-нибудь сенсационном убийстве на два часа раньше других. Правда, с появлением приемников чтение газет, можно сказать, утратило прежнюю остроту. Но все же в такой прогулке виделась хоть какая-то цель. Пускай сейчас мир, а не война – все равно у человека должна быть определенная цель, если уж он куда-то пошел. Нельзя же просто прийти в город, поглазеть на стены домов. Другое дело – вернуться к завтраку с газетой под мышкой. Да, пожалуй, он все-таки дойдет до города. Он невольно ускорил шаг. Черные тупоносые ботинки сверкали на солнце. Ботинки были на редкость прочные и служили ему верой и правдой с давних пор. Казалось, отдав свои лучшие годы армейской службе, где волей-неволей приходилось начищать сапоги до зеркального блеска, Поттикери мог бы теперь отряхнуть прах бессмысленной дисциплины и выразить себя как лицо гражданское хотя бы в такой мелочи, как пыльные башмаки. Но бедняга продолжал их начищать, потому что ему нравилось это делать. Может, у него был рабский менталитет. Однако поскольку он представления не имел, что это такое, то и не печалился по этому поводу. А что до самовыражения, то, опиши вы ему, что это такое, он бы, разумеется, понял, о чем идет речь, но в армии для этого существовало другое слово – строптивость.

Внезапно с утеса сорвалась чайка и ринулась вниз к галдящим товаркам. Ох уж эти чайки, до чего шумные птицы! Поттикери подошел к краю скалистого обрыва взглянуть, из-за чего они ссорятся, – наверное, отступающий прилив притащил им какую-нибудь соблазнительную добычу.

В беловой полосе пены мелькнуло что-то зеленое. Наверное, тряпка. Какая яркая, совсем не потемнела от воды... Внезапно голубые глаза Поттикери округлились и все его тело странно напряглось. В следующий момент черные башмаки ринулись вперед. «Тук-тук-тук» – глухо, как удары сердца, отстукивали они по плотно утоптанной тропинке. Расщелина, где располагался пляж, находилась еще метрах в двухстах, но Поттикери мчался со скоростью, не посрамившей бы и профессионального бегуна. Он загрохотал по грубым вытесанным каменным ступеням, пытая от волнения и негодования. Вот что выходит, когда лезут купаться в холодную воду до завтрака. Сущее безумие! Не только себе вредят – еще и другим завтрак портят. Для восстановления дыхания лучше всего метод Шеффера, если только ребра не сломаны. Наверяд ли они поломаны. Скорее просто обморок. Первое – внятно и спокойно объяснить потерпевшему, что с ним все в полном порядке.

Ее руки и ноги были загорелые – под цвет песка. Поэтому ему и показалось сперва, что это просто зеленая тряпка. «Одной лезть в ледяную воду, да еще на рассвете! Чистое безумие, иначе не назовешь! Другое дело – если нет иного выхода. Со мной однажды такое приключилось. В Красном море возле порта. Пришлось высаживаться на берег, чтобы оказать помощь

арабам. Хотя зачем кому-то понадобилось помогать этим прохвостам – непонятно. Вот тогда пришлось добираться вплавь, что поделать. Ох уж эти мне молодые особы! Апельсиновый сок у них на завтрак да тоненькие тосты – с этого разве силы будут?! Идиотство, да и только!»

По пляжу бежать было трудно. Крупная белая, обкатанная водой галька предательски скользила; где не было камней, там ноги увязали в мокром после прилива песке. Наконец он оказался в самой гуще стаи чаек, оглушивших его неистовыми жалобными криками и хлопанием крыльев.

Ни в методе Шеффера, ни в каком-либо другом способе уже не было никакой надобности. Он понял это с первого взгляда. Женщине уже ничто не могло помочь. Поттикери, которому не раз доводилось спокойно подбирать тела утонувших в прибрежной полосе Красного моря, испытал несвойственное ему горестное чувство. Такой несправедливой, такой непоправимо жестокой казалась смерть совсем молодого существа, когда весь мир встречал новый, сверкающий летний день. Ведь перед ней была еще целая жизнь. И какая хорошенькая! Волосы, правда, кажется, крашенные, но остальное все при ней.

Набежавшая волна прикрыла ей ноги и равнодушно отхлынула вновь, обнажив ногти с красным педикюром. Несмотря на то что отлив уже начался и через минуту-другую вода и так отступила бы далеко, Поттикери оттащил безжизненное тело повыше, подальше от дерзких волн.

Потом он сообразил, что надо позвонить. Поттикери стал озираться вокруг в надежде обнаружить место, где она разделась, прежде чем войти в воду, но ничего не увидел. Может, она оставила одежду слишком близко к воде и ее унесло приливом, а может, заходила в воду совсем не здесь. Во всяком случае прикрыть ее было нечем, и Поттикери поспешил назад, к сторожевой вышке, где был телефон.

– Тело на берегу, – бросил он через плечо Биллу Гантеру, снимая трубку, и назвал номер телефона полиции.

Билл Гантер прищелкнул языком и тряхнул головой, вложив в этот выразительный и предельно лаконичный жест всю гамму чувств: и досаду по поводу случившегося, и неодобрение по поводу глупых людей, которые лезут в воду, а потом тонут, и удовлетворение, что его пессимистический взгляд на жизнь снова подтверждается.

– Если уж им так приспичило кончать жизнь самоубийством, – меланхолично проговорил он с мягким выговором, – почему обязательно делать это у нас? Все побережье к их услугам.

– Это не самоубийство, – отрывисто сказал Поттикери, ожидая, пока его соединят.

– А все потому, что до южного побережья дорога дороже! – продолжал Билл, будто не слыша. – Казалось бы, коль человеку жить надоело, так мог бы не мелочиться напоследок и укокошить себя с размахом. Так нет же! Покупают самый дешевый билет – и хлоп, к нам на порог!

– На «Пляжной Макушке» их тоже хватает, – ради справедливости заметил Поттикери. – И это не самоубийство.

– Да ну, конечно, оно самое и есть. Для чего еще у нас скалы? Для защиты Англии от вражеских набегов, что ли? Ясное дело, нет. Исключительно для удобства самоубийц. Это уже четвертое за год. И помяните мое слово, вот повысят налоги на доходы – и их станет еще больше...

Билл замолчал, прислушиваясь к тому, что говорил в трубку Поттикери:

– Женщина. Да, молодая. В ярко-зеленом купальном костюме. (Поттикери принадлежал еще к тому поколению, которое не употребляло слово «купальник».) Чуть южнее Расщелины. Метрах в ста. Нет, там никто не остался. Я должен был добраться до телефона. Сейчас же туда вернусь. Там буду вас ждать. Хэлло, это вы, сержант? Конечно, не лучшее начало дня, но мы уж понемногу тут к этому привыкаем. Нет, нет, на сей раз просто несчастный случай на воде.

Машина скорой помощи? Да, она сможет подойти прямо к Расщелине. Да-да, свернете с дороги на Вестовер после третьего межевого камня и доедете до самой Расщелины. Ладно, пока.

– Откуда вы взяли, что это просто несчастный случай? – не хотел сдаваться Билл.

– Ты что, не слышал? Я же сказал: на ней был купальный костюм.

– А почему она не могла надеть купальный костюм перед тем, как сигануть в воду? Чтобы сделать вид, будто это несчастный случай.

– В эту пору и с этого места нельзя броситься в воду – приземлишься на песчаный пляж.

И когда человек кончает с собой, то чего уж тут притворяться.

– Она могла идти и идти, пока ее не поглотила вода, – сказал Билл, привыкший оставлять последнее слово за собой.

– С таким же успехом она могла умереть, объевшись леденцов, – саркастически заметил Поттикери.

Он готов был биться до последнего, когда воевал в Аравии, но в гражданской жизни бессмысленного упорства не одобрял.

Глава вторая

Кучка мужчин с серьезными лицами собралась вокруг трупа: Поттикери, Билл, сержант, констебль и двое медиков. Один из медиков, тот, что помоложе, думал только о том, как бы не опозориться перед остальными: его тошнило. Другие были целиком поглощены тем, что им предстояло выполнить.

– Знаете ее? – спросил сержант.

– Нет, – отозвался Поттикери, – никогда не видел.

Оказалось, никто из присутствующих опознать ее не может.

– Наверняка не из Вестовера. Зачем оттуда ехать к нам, когда у них собственный пляж под боком. Откуда-нибудь издалека.

– Может, зашла в воду у Вестовера, а сюда ее прибило? – предположил констебль.

– По времени не получается. Тело пробыло в воде совсем недолго, – возразил Поттикери, – где-нибудь тут рядом утонула.

– Тогда как она здесь очутилась? – спросил сержант.

– На машине могла приехать, – высказал предположение Билл.

– Тогда где машина?

– Там, где всегда их оставляют, – под деревьями, где кончается дорога.

– Ты так думаешь? Но там никакой машины нет, – отозвался сержант.

Это подтвердили и санитары. Они вместе с полицией ехали как раз оттуда и там оставили свою машину: никакой другой рядом не было.

– Чудно, – заметил Поттикери. – Поблизости нет ни одного дома, откуда сюда можно было бы прийти пешком, да еще в такую рань.

– Не думаю, что она была из тех, кто ходит пешком, – отозвался сержант и, встретившись с вопросительными взглядами, добавил: – Она не из простых.

Стоявшие еще раз взглянули на распростертое у их ног тело: да, при жизни она явно следила за собой.

– Тогда где же ее одежда? – озадаченно спросил сержант.

Поттикери поделился с ним предположением, что одежду могло смыть приливом.

– Вполне возможно, – сказал сержант. – Хотя все равно непонятно, как она сюда добралась.

– Странно вообще, что она отправилась купаться одна, – подал голос младший из медиков, кое-как справившись с тошнотой.

– В наше время все возможно, – проворчал Билл. – Это еще что! Хорошо еще, что она не стала съезжать со скалы на водных лыжах. А так, пойти плавать одной на пустой желудок – это у них теперь запросто. Глаза бы мои не смотрели на этих молодых идиотов.

– Что это у ней на щиколотке? Никак браслет? – изумился констебль.

Это был действительно браслет. Браслет из платиновых звеньев необычной формы – в виде латинской буквы «S».

– Что ж, – распрямляясь, заключил сержант, – тут, пожалуй, нам делать больше нечего. Осталось отвезти тело в морг и выяснить, кто она есть. Судя по всему, это большого труда не составит. Определения вроде «убежала», «заблудилась» или «похищена» к ней явно отношения не имеют. Не тот случай.

– Да, – согласился медик, – скорее всего уже сейчас ее дворецкий всю названивает в полицию.

– Пожалуй что так, – задумчиво произнес сержант. – И все же непонятно, как она здесь очутилась и что именно... – Он взглянул вверх и внезапно сказал: – Ого, да мы тут не одни.

Обернувшись в направлении его взгляда, все заметили одинокую фигуру на вершине утеса возле Расщелины. Человек напряженно наблюдал за каждым их жестом. Увидев, что его заметили, он быстро повернулся и исчез.

– Для одиноких прогулок вроде рановато, – проговорил сержант. – И потом, почему он убегает? Надо бы с ним побеседовать.

Однако они с констеблем не успели пройти и нескольких шагов, как убедились, что человек не только не убежал, но, напротив, торопливо спускается им навстречу. Худая, темная фигура показалась из распадка, где шли ступени. Мужчина бежал неуклюже, скользя и спотыкаясь, и вид у него был как у помешанного. Когда он приблизился, они услышали, как он судорожно ловит ртом воздух, хотя бежать было совсем недалеко и человек явно был молод.

Он с разбегу врезался в их плотную маленькую группу, оттолкнув обоих полицейских, которые инстинктивно пытались загородить от него тело.

– О Господи! Это она, она, она! – воскликнул он и неожиданно для всех разразился громкими рыданиями. Несколько мгновений шестеро мужчин растерянно молчали. Потом сержант стал ласково похлопывать его по спине, отчего-то бессмысленно повторяя: «Ничего, ничего, сынок, все в порядке».

Но юноша продолжал горестно раскачиваться и рыдать.

– Ну полно, полно, будет вам, – успокаивал его констебль. (Господи, ничего себе утречко выдалось!) – Слезами горю не поможешь. Возьмите себя в руки... – И, заметив дорогой носовой платок, который молодой человек извлек из кармана, торопливо добавил: – Сэр.

– Ваша родственница? – спросил он затем соответствующим печальному событию сочувственным тоном.

Молодой человек отрицательно качнул головой.

– Значит, просто приятельница?

– Она была так добра ко мне, так добра!

– Во всяком случае, тут вы сможете нам помочь. А то мы уже начали беспокоиться. Хоть скажете нам, кто она такая.

– Она. Она меня приютила.

– Хорошо, так как ее полное имя?

– Не знаю.

– То есть как это «не знаю»? Послушайте, сэр, соберитесь-ка с мыслями. Вы единственный, кто может нам помочь. Вы должны знать имя женщины, у которой жили.

– Да нет же, не знаю я.

– Но вы же ее как-то называли? Как?

– Крис.

– Крис, а дальше?

– Просто Крис.

– А она как вас звала?

– Робин.

– Это действительно ваше имя?

– Ну да, Роберт Станвей. То есть нет, теперь Тисдейл. Это раньше я был Станвей, – торопливо добавил он, встретив недоуменный взгляд сержанта.

«Пошли мне терпение, Господи!» – подумалось тому, но вслух он лишь сказал:

– Звучит это довольно странно, мистер, э...

– Тисдейл.

– Мистер Тисдейл. Можете вы мне объяснить, как она здесь очутилась, да еще так рано?

– Могу, конечно. Она приехала на машине.

– Ах так, на машине. И куда делась эта машина?

– Я ее угнал.

– Что-что?

– Я ее украл. Вот только что вернулся на ней обратно. Конечно, это был свинский поступок. Я чувствовал себя подонком, потому и вернулся. Когда я не нашел ее у дороги, то решил, что она тут, внизу. Потом я увидел, что вы тут столпились и... о Господи, Господи Боже мой! – И он снова принялся горестно раскачиваться.

– В каком месте вы с этой женщиной жили? – нетерпеливо спросил сержант, переходя на сухой, деловой тон. – В Вестовере?

– Нет. У нее есть. Боже мой, я хотел сказать, у нее был небольшой домик – Бриары называется. Возле Миддлея.

– Мили полторы от побережья, – пояснил Поттикери, поймав недоуменный взгляд полицейского. Тот был явно не из местных.

– Вы жили вдвоем или там еще есть прислуга?

– Только миссис Питтс. Она живет в деревне и приходит стряпать.

– Понятно.

Последовало неловкое молчание, которое прервал сержант.

– Ладно, ребята, приступайте, – сказал он и кивнул санитарам. Те склонились к носилкам. Юноша судорожно вздохнул и закрыл лицо руками.

– В морг, сержант?

– О нет, не надо! У нее же есть дом. Тела умерших ведь полагается привозить домой, разве не так?

– Мы не можем повезти тело неизвестной женщины в бунгало, где никто не живет.

– Это не бунгало, это нормальный дом, – автоматически поправил юноша. – Я понимаю, вы, наверное, правы. Но морг – это так ужасно! Господь Всевышний, как ты мог допустить такое?!

– Дэвис, – сержант обратился к констеблю, – возвращайтесь в участок вместе со всеми и доложите там. Я с мистером Тисдейлом отправлюсь в... как вы сказали называется этот коттедж? – в Бриары.

Галька заскрипела под ногами санитаров с их тяжелой ношей. За носилками двинулись Поттикери и Билл.

Когда их шаги стали затихать, сержант заговорил снова:

– Вам не пришло в голову выкупаться вместе?

Что-то похожее на смущение промелькнуло на лице Тисдейла. Он явно находился в замешательстве. Потом отрывисто проговорил:

– Нет, не пришло. Я... я не очень-то люблю плавать на голодный желудок. Я... я вообще не ахти какой спортсмен.

Сержант понимающе кивнул:

– В котором часу она выехала из дома?

– Не знаю. Вчера перед сном она говорила, что если рано проснется, то отправится купаться. Я сам проснулся рано, но она уже уехала.

– Ясно. Если вы уже оправились, мистер Тисдейл, то давайте-ка трогаться в путь.

– Да-да, разумеется, я готов.

Он встал, и вместе они в полном молчании пересекли пляж, поднялись по ступеням в Расщелине и вышли к машине, которая стояла в конце дороги в тени деревьев, как Тисдейл им и сказал. Машина была красивая, хотя, пожалуй, уж слишком роскошно отделанная: двухместная малолитражка цвета слоновой кости, со специальным отделением для пакетов и свертков. Сиденья были расположены на значительном расстоянии одно от другого, так что при желании туда мог бы втиснуться и третий пассажир. Из этого свободного пространства сержант извлек женское пальто и меховые сапожки, которые этой зимой было модно надевать, отправляясь на скачки.

– Это пальто она всегда носила, когда шла плавать: надевала прямо на купальник. А вот и полотенце.

Действительно, теперь сержант вынул и полотенце, яркое, оранжевое с зеленым.

– Странно, почему она не взяла его с собой на пляж.

– Она любила обсушиваться прямо на солнце.

– Похоже, вы хорошо изучили привычки особы, полного имени которой даже не знаете. – Сержант протиснулся на одно из сидений. – И давно вы с ней жили?

– Жил не с ней, а у нее, – поправил его Тисдейл, и первый раз за все время в его голосе послышалось еле сдерживаемое раздражение. – Поймите меня правильно, сержант, и давайте покончим с этим раз и навсегда. Это избавит вас от лишней мороки: Крис меня приютила, я у нее жил, и на этом поставим точку. Вам ясно? Я просто жил в ее доме, и ничего больше между нами не было. Мы жили одни, но отношения наши не могли быть более невинными, даже если бы за нами следил целый штат прислуги. Это вам кажется странным?

– Очень, – откровенно признался сержант. – А это тут зачем? – спросил он, разглядывая пакетик с парой черствых, неаппетитного вида булочек.

– Это я прихватил по дороге. Другого ничего не нашел. Когда я был маленьким, то после купания нам всегда давали булочки. Я подумал, может, ей тоже захочется поесть.

Машина неслась по крутому спуску, приближаясь к шоссе, соединявшему Вестовер и Стонгейт. Они пересекли его и поехали по длинной аллее. Указатель гласил:

«Мидлей: 1 км; Лиддлстоун: 3 км».

– Значит, когда вы отправились за ней на пляж, то еще не намеревались угонять ее машину?

– Разумеется нет! – негодуяше воскликнул Тисдейл с таким видом, будто это что-то меняло в самом факте кражи. – Мне это и в голову не приходило, пока я не увидел машину на дороге. Мне сейчас даже трудно представить, как я мог это сделать. Идиотизм полный, я до этого никогда машин не угонял.

– Женщина была еще в воде?

– Не знаю. Я не стал смотреть. Если бы я увидел ее хоть издали, то ни за что бы на такое не решился. Я просто кинул в машину пакет с булочками и умчался. Опомнился уже где-то на полдороге в Кентербери, тут же развернулся и приехал прямо сюда.

Сержант немного помолчал, потом спросил:

– Вы так и не сказали, долго ли прожили в коттедже.

– С полуночи субботы.

Был четверг.

– И вы по-прежнему хотите меня уверить, что и в самом деле не знали ее полного имени?

– Не знал. Немножко странно, я понимаю. Я и сам воспитывался в традиционном духе. Но с ней это казалось вполне естественным. С первого же дня у меня возникло такое чувство, будто я знал ее всю жизнь.

Поскольку сержант молчал, всем своим видом выражая сомнение, столь же явно, как горячий радиатор излучает тепло, то Тисдейл запальчиво воскликнул:

– С чего бы я стал скрывать ее полное имя, если бы оно мне было известно?!

– Откуда мне знать? – мрачно отозвался сержант.

Краем глаза он продолжал наблюдать за Тисдейлом. Лицо юноши было бледно, но спокойно. Похоже, он довольно быстро оправился после недавнего приступа отчаяния. Легкомысленная пошла нынче молодежь. Ничто их по-настоящему не волнует. Истерики – это всегда пожалуйста! Забавы на сеновале у них называются любовью. Все остальное считается ненужными сантиментами. Никакой дисциплины. Никакой выдержки. Попадут в трудную ситуацию – и давай бог ноги. Мало их пороли в детстве. Вот к чему приводят эти новые методы воспи-

тания, когда ребенку позволяется делать все, что ему вздумается. И вот вам живой пример: только что рыдал там, на пляже, а сейчас – спокоен и холоден, как огурец!

Тут взгляд сержанта упал на изысканно-тонкие пальцы Тисдейла, лежавшие на руле, – они заметно дрожали. Ну нет, каким бы этот Тисдейл ни оказался, спокойным и холодным его не назовешь.

– Тот самый дом? – спросил полицейский, когда они затормозили у живой изгороди.

– Тот самый.

Бревенчатый на каменном фундаменте коттедж был небольшой – вероятно, там было не более пяти комнат. Со всех сторон его окружала изгородь из жимолости. В саду было полно роз. Идеальное место для американских туристов, любителей уикендов и фотографов. В тихой дреме смотрели на мир небольшие окна; ярко-синяя дверь была гостеприимно распахнута, и проникавший внутрь солнечный лучик высвечивал медную сковороду на стене кухни. Игрушечный коттедж был явно найден и приобретен совсем недавно.

Пока они шли по мощенной кирпичом дорожке, на пороге появилась худенькая женщина небольшого роста в белоснежном переднике. Ее жиденькие волосы были собраны в пучок на затылке, а на самой макушке еле держалось некое сооружение из черного шелка, напоминавшее птичье гнездо. При виде ее Тисдейл замедлил шаги, видимо желая, чтобы само появление официального лица подготовило женщину к недобрым вестям. Но миссис Питтс была вдовой полицейского: ее маленькое суровое лицо осталось невозмутимым. Полицейский мундир в дверях дома значил для нее прежде всего необходимость подать еду на стол, и первые ее слова соответственно были:

– Я испекла к завтраку печенье с кунжутом. Скоро станет жарко, так что лучше плиту протопить пораньше. Пожалуйста, передайте это мисс Робинсон, когда она вернется, ладно, сэр?

Тут она заметила, что это не просто полицейский, а сержант, и с беспокойством спросила Тисдейла:

– Неужто вы вели машину без водительских прав, сэр?

– Вы сказали «мисс Робинсон»? – вмешался сержант. – С мисс Робинсон произошел несчастный случай.

– Господи! Эти машины! Она всегда так неосторожно ездит! Она очень пострадала?

– Это не в машине. Несчастный случай произошел в воде.

– Ах вот оно что, – проговорила она тихо.

– Что значит ваше «вот оно что»?

– Несчастный случай на воде может означать только одно. Ну и дела, – печально проговорила она и вдруг изменившимся голосом резко спросила Тисдейла: – А где же вы были в это время?

Она обратила на понуро стоявшего Тисдейла взгляд, каким, наверное, смотрела на несвежую рыбу на базаре в Вестовере. Перед лицом несчастья ее суеверное почтение к «господам» как ветром сдуло. Тисдейл оказался таким, каким она окрестила его про себя с первого дня знакомства, – никчемным парнем.

Сержант не показал своей заинтересованности в ее реакции, однако со скрытой насмешкой произнес:

– Джентльмен при сем не присутствовал.

– Как так? Он ведь отправился следом за ней.

– Откуда вам это известно?

– Я его видела. Мой дом возле самой дороги.

– Вы не знаете ее постоянного адреса? Как я понимаю, здесь она жила временно.

– Конечно, временно. Она сняла коттедж на месяц. Он принадлежит Оуэну Хьюдведу.

Она замолкла на мгновение, чтобы до сержанта дошло значение этого имени, и потом продолжала:

– Он сейчас в Голливуде. Играет испанского гранда – он мне сам рассказывал. Он говорил, что уже играл итальянских князей и французских принцев и теперь решил, что ему будет интересно сыграть испанского гранда. Вы не поверите: однажды какая-то девчонка предложила мне пять фунтов, если я ей отдам простыни, на которых он спит. Не простыни я ей дала, а отповедь хорошую. А ей хоть бы что! После этого она еще стала у меня его наволочку клянчить за двадцать пять шиллингов. И куда только мир катится! До чего мы дожили...

– Так какой постоянный адрес у мисс Робинсон?

– Никакого другого, кроме этого адреса, я не знаю.

– Разве она не писала вам перед приездом?

– Писала?! Она только телеграммы слала. Наверное, писать она умеет, но ни разу ничего не писала, пока здесь жила, в этом я вам поклясться готова! Иной раз по шесть штук телеграмм на день шли от нее из Лиддлстоуна. Мой Альфред обычно относил их туда на почту. В перерывах между уроками. Некоторые из них были такие длинные, что одного бланка не хватало – требовалось два, а то и три сразу.

– К ней кто-нибудь сюда приезжал? Может быть, ночевал?

– Никто у нее тут не останавливался. Само собой, кроме мистера Станвея.

– Никто никогда?

– Ни одной души. Как-то раз, когда я ей показывала, как у нас в туалете воду спускать – тут есть такая хитрость: надо сначала сильно дернуть, а потом полегоньку отпускать, – так вот тогда она мне вдруг говорит: «Миссис Питтс, с вами так не случается, что вам тошно видеть людей?» Я ответила: «Точно, на кое-кого и глаза бы мои не глядели». А она: «Не на кое-кого, а на всех вообще. Когда вообще ни на кого смотреть не хочется». Я сказала, что, когда такое со мной бывает, я принимаю касторку. Она засмеялась и заметила, что это и впрямь неплохая идея. Надо, чтобы все принимали касторку, и тогда мир за какие-нибудь пару дней полностью преобразится. И еще добавила: «Жаль, что Муссолини до этого не додумался!»

– Откуда она приехала? Из Лондона?

– Да. За три недели, что мисс Робинсон здесь прожила, она раз-другой туда ездила. Последний раз это было в конце этой недели, когда она привезла с собой мистера Станвея.

Ее взгляд снова с пренебрежением скользнул по Тисдейлу, как будто он был вещью.

– А он что, тоже не знает ее адреса? – спросила миссис Питтс.

– Никто не знает. Пройду посмотрю ее бумаги, может, в них что-нибудь обнаружится.

Миссис Питтс провела его в гостиную – прохладную комнату с низким брусчатым потолком, где стоял сладкий запах душистого горошка.

– Куда вы ее дели? Тело, я имею в виду.

– Оно в морге.

Казалось, только теперь до миссис Питтс дошла непоправимость случившегося.

– Господи Боже! – медленно проговорила она, машинальным движением водя кончиком передника по полированной поверхности стола. – Подумать только, а я еще колечки испекла.

В этих словах звучало не столько сожаление о ненужном теперь печенье, сколько смирение перед превратностями жизни.

– Надо вам все же позавтракать, – ворчливо обратилась она к Тисдейлу. Смутное осознание того факта, что все, даже самые благополучные люди в этом мире, лишь игрушки в руках судьбы, сделало ее снисходительнее.

Тисдейл от завтрака отказался. Он смотрел в окно, повернувшись спиной к сержанту, который разбирал бумаги, лежавшие на письменном столе.

– Против печенья я бы не возражал, – заметил он между делом.

– Поверьте моему слову, вкуснее моего во всем Кенте не сыщешь. Может, заодно и мистер Станвей выпьет хоть глоток чаю, – заключила она и отправилась в кухню.

– Так вы не знали, что ее фамилия Робинсон? – спросил сержант, поднимая глаза на Тисдейла.

– Миссис Питтс всегда обращалась к ней просто «мисс». И потом, неужели вы верите, что у такой женщины, как она, может быть эта вульгарная фамилия?!

Действительно, сержант и сам ни минуты не сомневался, что это не так.

– Я выйду в сад, если я вам сейчас не нужен. Не возражаете? Здесь... здесь мне душно, – сказал Тисдейл.

– Ладно. Только не забудьте – машина мне понадобится, чтобы доехать обратно в Вестовер.

– Я вам уже говорил. Я поддался минутному порыву. В любом случае теперь я уже не могу надеяться, что мне удастся украсть ее.

«Не такой уж он дурак, как кажется. Да еще с гонором. Нет, уж что-что, а он не простачок», – подумал про себя сержант. Письменный стол был завален журналами, газетами, начатыми пачками сигарет, рассыпанными фишками, кроссвордами; там же лежали пилка для ногтей, образцы шелковых тканей и еще множество мелочей – словом, тут было все, кроме одного – писчей бумаги. Единственными официальными документами были многочисленные счета из местных лавок, в большинстве случаев уже оплаченные. Если покойная и была неаккуратной и рассеянной, то, видимо, отнюдь не там, где дело касалось финансов. Расписки, хоть и скомканные и распиханные по разным ящикам, явно не выбрасывались, а сохранялись.

Умиротворенный тишиной раннего утра, веселым позвякиванием посуды, доносившимся из кухни, и в предвкушении знаменитых песочных колечек, сержант, возясь с бумагами, целиком предался своему излюбленному пороку: он стал насвистывать. Его свист был тих и музыкален, тем не менее это был свист. Он насвистывал последний шлягер «Спой мне еще раз», насвистывал выразительно, со всеми нюансами, сам наслаждаясь своим искусством. Правда, жена показала ему однажды в разделе читательских писем заметку, где говорилось, что привычка свистеть свидетельствует о праздном уме. Но это его не излечило.

Его безмятежное настроение было нарушено самым неожиданным образом. Без всякого предупреждения кто-то постучал в полуоткрытую дверь игривой дробью «там-та-там-там-та!», и мужской голос произнес:

– Так вот где ты прячешься?!

Дверь с шумом распахнулась, и на пороге появился маленький смуглый человек.

– Та-а-к, – произнес он в растяжку. Несколько мгновений он стоял в дверях и, широко улыбаясь, разглядывал сержанта. – А я-то думал, это Крис свистит! Могу я узнать, что здесь делает наша доблестная полиция? Неужели кража со взломом?

– Нет, не кража, – осторожно ответил сержант, пытаясь собраться с мыслями.

– Только не уверяйте меня, что Крис устроила здесь оргию! Она покончила с этим сто лет назад. Это наносит ущерб ее благородному имиджу.

– Дело в том, что...

– Где она сама, черт возьми?

Он задрал голову и крикнул:

– Эй-хо! Крис! Спускайся, злодейка! Нечего от меня прятаться! – и, обращаясь к сержанту, добавил: – Улизнула от нас на целых три недели. Наверное, ей осточертели съемки. Это с ними со всеми случается рано или поздно. С другой стороны, последний фильм имел такой кассовый успех, что немудрено, если они спешат скорее запустить следующий.

С напускным пафосом он промурлыкал музыкальную фразу из шлягера «Спой мне еще раз» и добавил:

– Потому я и принял вас за Крис: вы насвистывали ее песенку. И очень мелодично, надо вам отдать должное.

– Как вы сказали? Ее песню? – с надеждой, что наконец хоть что-то начнет проясняться, переспросил сержант.

– Ее. Чью же еще? Не думаете же вы, приятель, что она моя? Ни боже мой! Я написал музыку, верно, но это не в счет. Это ее песня. Хотя она этого никогда не подчеркивала. Шикарно она сыграла, просто потрясающе, правда?

– Честно говоря, мне трудно судить. (Помолчал бы он чуток, тогда я бы разобрался, что к чему!)

– Вы, часом, не пропустили «Стальные тиски»?

– Пропустил.

– Вот что значит это чертово радио и пластинки. Они портят весь эффект от фильмов. К тому времени, когда вы услышите, как Крис исполняет ее в картине, мелодия уже успевает вам надоест до тошноты. Это несправедливо по отношению к кинопродукции. Для поэтов-песенников и прочей мелкой шатии-братии это безразлично, но для фильма скверно, очень скверно. Надо бы разработать специальное соглашение на этот счет. Эй, Крис! Неужели ее нет в доме? И это после всех моих усилий заставить ее врасплох!

Его лицо вытянулось, как у обиженного ребенка.

– Если она войдет и застанет меня здесь, это будет совсем не тот эффект, как если бы я сам неожиданно появился перед ней! Как вы думаете...

– Минуточку, мистер. Простите, не знаю вашего имени.

– Джей Хармер меня зовут. По свидетельству о рождении – Джейсон. Я автор песни «Если это невозможно в июне». Вы, наверное, знаете ее и тоже насвистываете, но...

– Мистер Хармер, если я правильно понял, особа, которая здесь живет, вернее, жила, киноактриса?

– Киноактриса ли она?! – от изумления Хармер почти лишился дара речи. И тут впервые с момента своего появления он вдруг усомнился, туда ли попал. – Послушайте, ведь Крис живет здесь, я не ошибся?

– Молодую особу действительно звали Крис. Думаю, вы сможете нам помочь разобраться. Видите ли, произошло несчастье, большое несчастье. Но эта женщина говорила, что ее фамилия Робинсон.

– Робинсон! – Человек рассмеялся, будто услышал удачную шутку. – Великолепно! Я всегда говорил, что она начисто лишена воображения. Глупейшего розыгрыша придумать и то не могла. И вы поверили, что ее фамилия Робинсон?

– Да, это казалось маловероятным.

– Что я вам говорил! Теперь я отомщу ей за то, что она обращает на меня внимания не больше, чем на кусочки пленки под ногами в съемочном павильоне, – всем расскажу про выдуманную фамилию! Она за это, конечно, может запихнуть меня в холодильник на сутки, но шутка того стоит! В любом случае джентльменом меня никто не считает, так что большого убытка моей репутации это не нанесет. Эту особу, сержант, на самом деле зовут Кристина Клей.

– Кристина Клей! – повторил сержант. У него отвисла челюсть от удивления.

– Кристина Клей! – выдохнула миссис Питтс, стоя на пороге. Она совершенно забыла про поднос с песочными колечками, который держала в руках.

Глава третья

«Кристина Клей!» – вопили объявления на театральных тумбах.

«Кристина Клей!» – кричали газетные заголовки.

«Кристина Клей!» – несло из приемников.

«Кристина Клей!» – сосед сообщал соседу.

Это имя было у всех на устах в самых разных концах земного шара. Еще бы! Утонула знаменитая Кристина Клей. Во всем цивилизованном мире нашелся лишь один шустрый юнец, который, услышав о ее смерти в веселой компании в Блумсбери, спросил, кто это такая, – и то лишь потому, что ему захотелось показаться оригинальным. В разных концах света произошло сразу несколько событий исключительно оттого, что ушла из жизни эта женщина. Из Калифорнии позвонили в обитель актеров и музыкантов Гринвич-Виллидж и попросили некую девушку немедленно приехать; в Техасе пилоту пришлось совершить дополнительный ночной рейс, чтобы перебросить кассеты с фильмами Кристины Клей для срочного показа. Нью-йоркская фирма расторгла контракт; итальянский граф стал банкротом: он надеялся поправить свои дела, продав ей яхту; в Филадельфии один человек впервые за много месяцев досыта поел: он продал газетчикам историю о том, что когда-то знал ее. Некая женщина из труппы Ле-Туке запела от радости: настал ее звездный час, теперь она наконец-то получит *ту самую* роль. А в Англии, в одном из соборов, человек, преклонив колена, благодарил Господа за ее смерть.

Пресса, притихшая было в мертвый сезон, оживилась, почувствовав в своих парусах неожиданный ветер сенсации. Местная газета «Кларион» отозвала своего ведущего корреспондента Барта Бартоломео из Брайтона с конкурса красоты (за что он был весьма признателен: он вернулся оттуда, громко возмущаясь тем, как мясники могут есть мясо животных, которых убивают) и Джемми Хопкинса, специалиста по «кровавым драмам на почве ревности», который в Брэдфорде собирал материал о скучном и неэстетичном убийстве, совершенном с помощью кочерги (что лишний раз свидетельствовало о том, как низко пала «Кларион»). Газетные фотографы покинули гоночные трассы, забыли про интервью со знаменитостями, про светские бракосочетания и крикет, про человека, который собирался лететь к Марсу на воздушном шаре, и как пчелы облепили коттедж в Кенте, квартиру на Саут-стрит и меблированный особняк в Хэмпшире.

То обстоятельство, что перед смертью Кристина Клей сбежала ото всех и укрылась в никому не ведомом и безо всяких удобств коттедже, добавляло пикантной остроты сенсационному известию о ее кончине. Фотография особняка (со стороны сада, так как спереди его скрывали липы) была снабжена надписью: «Дом, которым владела Кристина Клей» (то, что она сняла этот особняк всего на сезон, никого не смущало: это было не важно, главное – создать нужную атмосферу вокруг ее имени); рядом с этим импозантным снимком поместили фотографии скромного, утопающего в розах коттеджа. Под ним стояло: «Дом, который она предпочитала». Ее пресс-агент при виде этих снимков смахнул непрошеную слезу: «Надо же! Такая сенсация всегда приходит слишком поздно, теперь ей, бедной, уже все равно».

От человека, хоть сколько-нибудь разбирающегося в психологии и наблюдающего со стороны, наверняка не укрылось бы некое странное обстоятельство: смерть Кристины Клей вызвала много разных эмоций – жалость и растерянность, ужас и сожаление и еще множество других. Не вызвала она лишь одного: горя. Единственным всплеском подлинного искреннего чувства можно было считать разве что истерические рыдания над ее телом Роберта Тисдейла. И то неизвестно еще, чего было больше в этих слезах: жалости к Кристине или к самому себе. Кристина принадлежала всем: она не могла принадлежать немногочисленному кругу лиц. Впрочем, среди окружавших Кристину и знавших ее людей эта ужасная смерть вызвала шок и растерянность. Но не только среди них. Койен (подлинное имя – Кохан), который должен

был стать продюсером ее третьей и последней в Англии картины, был на грани отчаяния; с другой стороны, Лежен (он же Томпкинс), который должен был быть ее партнером, вздохнул с облегчением: фильм с участием Клей, конечно, принес бы ему славу, однако львиная доля кассового сбора досталась бы, разумеется, ей, а не ему. Герцогиня Трентская, которая собиралась устроить ленч в честь Клей, чтобы тем самым восстановить утраченный престиж щедрой покровительницы искусств и гостеприимной хозяйки, вероятно, скрипела зубами от ярости. Лидия Китс не скрывала своего торжества. Она предсказала ей скорую смерть, и то, что ее предсказание так быстро исполнилось, повергло в изумление даже выдавших виды знаменитостей.

– Милочка, это просто поразительно! – щебетали наперебой ее друзья и подруги. Их восхищение совсем вскружило Лидии голову: она стала являться на все приемы подряд только для того, чтобы услышать снова и снова, как они восторженно восклицают: «Милочка, ты просто гений!» Нет, насколько можно было судить, смерть Кристины Клей не разбила ни одного сердца. Друзья и знакомые вытащили на свет божий траурные костюмы и платья и стали с надеждой ожидать приглашений на церемонию похорон.

Глава четвертая

Однако вначале состоялось предварительное слушание по факту смерти. И именно во время этого слушания проявились первые признаки того, что самая большая сенсация еще впереди. Первым уловил легкую рябь на гладкой поверхности судебного заседания Джемми Хопкинс. Недаром свое прозвище Джемми он заработал потому, что, почуяв интересный материал, всегда прибегал в редакцию с криком: «Джем! Сладенькое!» Это он, когда дела газеты шли плохо и тираж начинал падать, обычно с философским видом говаривал: «Прокати через печатный станок любую чушь и получишь джем». У него было особое чутье на такого рода «сладенькие» или «жареные» факты. Именно поэтому он внезапно умолк в самый разгар своего поучительного комментария, адресованного Бартоломео, по поводу собравшихся в зале известных личностей, охочих до сенсаций. Умолк и устремил куда-то пристальный взгляд: меж двух экстравагантных шляпок заядлых любительниц скандалов он углядел спокойное лицо человека, само присутствие которого здесь уже можно было считать достаточно сенсационным.

– Что-то углядел? – спросил Бартоломео.

– Знал бы ты, что именно! – воскликнул Хопкинс. Он соскользнул со скамьи как раз в тот момент, когда председательствующий занял свое место и призвал всех к молчанию, чтобы объявить о начале заседания.

– Держи для меня место, – шепнул Хопкинс и вышел из зала. Он вернулся туда снова через служебный вход, ловко работая локтями, добрался до нужного места и сел. Человек обернулся и с откровенной неприязнью взглянул на Хопкинса, вторгшегося туда, куда вход для публики был закрыт.

– Привет, инспектор. Я бы так не поступил, да деньги очень нужны, – в качестве оправдания зашептал Хопкинс.

Председательствующий снова постучал молоточком, требуя тишины. Лицо инспектора вновь приняло прежнее, непроницаемо-холодное выражение.

Под шум и шепот, сопровождавшие появление Поттикери для дачи свидетельских показаний, Хопкинс спросил:

– Что делает здесь Скотленд-Ярд, а, инспектор?

– Просто наблюдает.

– Понятно, изучаете порядок судопроизводства. Что, Скотленд-Ярду нынче нечем заниматься? У преступного мира тоже мертвый сезон? – И, видя, что инспектор не собирается отвечать, взмолился: – Да ну же, имейте хоть каплю сочувствия. Чем тут пахнет? Что-нибудь неладно с установлением причины смерти? Появились подозрения, а? Если вы не хотите, чтобы это просочилось в печать, я буду молчать как убитый.

– Не убитый вы, а настоящий живой слепень.

– Поглядите, как я ободрал бока, пробираясь к вам.

Это вызвало у инспектора лишь насмешливую улыбку.

– Послушайте, инспектор, скажите мне хотя бы одну вещь: вердикт о причине смерти не будет вынесен сегодня?

– Меня бы очень удивило, если бы его вынесли.

– Весьма признателен. Я узнал все, что хотел, – полусерьезно-полунасмешливо проговорил Хопкинс и снова покинул зал. Он отодрал сынишку миссис Питтс от окна, на котором тот угнездился, убедил его, что два шиллинга несравненно соблазнительнее, чем нудное наблюдение сквозь окно, и отослал в Лиддлстоун с телеграммой в «Кларион». После этого он присоединился к Барту.

– Что-то нечисто, – произнес он, едва разжимая губы, в ответ на немой вопрос приятеля. – Здесь человек из Ярда. Его зовут Грант – вон он там, за красной шляпой. Слушание дела собираются отложить. Ищи убийцу!

– Тут его наверняка нет, – ответил Барт, обводя взглядом собравшихся.

– Твоя правда. А кто этот пижон во фланелях?

– Ее дружок.

– А я думал, ее дружок Джей Хармер.

– Был. Этот самый последний.

– Убийство в любовном гнездышке?

– Готов биться об заклад, что да.

– Считалось ведь, что она не особенно любвеобильна.

– Считалось. Похоже, она их всех водила за нос. Повод для убийства вполне подходящий.

Свидетельские показания носили чисто формальный характер: обнаружение трупа и детали его идентификации. Едва с этим было покончено, следователь закрыл заседание без упоминания о том, когда слушание будет продолжено. Хопкинс пришел к заключению, что смерть Клей не явилась результатом несчастного случая, и поскольку Скотленд-Ярд, как видно, не собирался пока никого арестовывать, то единственным, кого надо было срочно разговорить, был юнец во фланелевом костюме. Он выяснил, что юнца зовут Тисдейл. Барт сообщил, что накануне газетчики чуть не всей Англии уже пытались взять у него интервью (Джемми тогда еще находился в пути), но парень оказался на редкость неподатлив. Обзывал их всех жуликами, любителями падали, крысами, прочими неприятными словами менее определенного свойства и, похоже, совсем не принимал во внимание влияние прессы. В наши дни никто не может себе позволить грубить прессе – во всяком случае, без опасений серьезно пострадать от нее. Но Хопкинс верил, что способен обвести вокруг пальца кого угодно.

– Простите, вас случайно не Тисдейл зовут? – невинно спросил он, как бы невзначай оказавшись рядом с юношей, когда все стали выходить из зала.

Лицо незнакомца потемнело.

– Тисдейл. Ну и что из этого? – бросил он с вызовом.

– Неужели племянник старины Тома?

– Да. А вы были знакомы с дядей Томом? – оживился Тисдейл.

– Немного, – осторожно ответил Хопкинс, немало встревоженный тем, что Том Тисдейл и вправду существовал.

– Так вам известно и о том, что я отказался от Станвея?

– Да, мне кто-то об этом сказал, – проговорил Хопкинс, теряясь в догадках по поводу того, что такое Станвей: название поместья, что ль?

– Чем вы сейчас занимаетесь? – спросил он. К тому времени, когда они добрались до выхода, Хопкинс уже болтал с Тисдейлом, словно тот был его закадычным другом.

– Подвезти вас? Давайте перекусим где-нибудь вместе, – предложил он.

Просто, как кофе!

Чепуховая задачка! Через полчаса материал для первой полосы будет у него в руках. Ай да Джеймс Брук Хопкинс – величайший газетчик всех времен и народов!

– Извините, мистер Хопкинс, – раздался у него за спиной вежливо-ироничный голос Гранта. – Мне жаль разбивать вашу компанию, но у мистера Тисдейла сейчас назначена встреча со мной. – И, заметив изумление Тисдейла и догадку, мелькнувшую в глазах Хопкинса, поспешил добавить, по-прежнему обращаясь к журналисту: – Мы надеемся на его помощь.

– Позвольте, я не понимаю... – начал было Тисдейл, но Хопкинс, сообразивший, что Тисдейл не подозревает, кто такой Грант, не скрывая своего злорадства, торжествующе провозгласил:

– Это из Скотленд-Ярда. Инспектор Грант. У него не бывает нераскрытых преступлений.

– От всей души надеюсь, что именно вам поручат писать мой некролог.

– О, и я тоже! – с жаром отозвался Хопкинс. Тут они оба обратили внимание на лицо Тисдейла.

Оно стало похоже на сухой, старый, серый пергамент и утратило всякое выражение. Только жилка, судорожно бившаяся на виске, свидетельствовала о том, что Тисдейл еще жив. Оба – и журналист и детектив – с одинаковым изумлением наблюдали за неожиданным эффектом, который произвело на Тисдейла заявление Хопкинса. Заметив, что у Тисдейла внезапно подломились колени, Грант поспешно взял его под руку:

– Пойдемте, сядете в мою машину: она у самого входа.

Он повел словно внезапно ослепшего Тисдейла сквозь шумливую толпу, вывел на улицу и усадил в машину на заднее сиденье.

– В Вестовер, – сказал он шоферу и сел рядом.

Пока они на черепашьей скорости выезжали на шоссе, Грант обернулся и увидел, что Хопкинс стоит не двигаясь на том же месте. Когда Джемми замирал на одном месте более чем на три минуты, это означало, что его мозг бешено работает. Инспектор тяжело вздохнул: он знал, что с этого момента Джемми-слепень превратился в Джемми-ищейку.

Инспектору и самому было над чем поразмыслить. Прошлым вечером ему позвонили из Кентского отделения полиции. Местное начальство было обеспокоено не на шутку. Они, естественно, не желали оказаться в глупом положении, делая из мухи слона, однако никак не могли обойти одно совсем крошечное, но абсолютно неподдающееся объяснению препятствие на пути расследования. Все они – от старшего констебля до сержанта, который распоряжался на пляже, – имели возможность его видеть собственными глазами; все судили-рядили по его поводу, выдвигая свои теории и азартно критикуя мнение оппонентов, и в конце концов сошлись лишь в одном: пусть ответственность за это дело возьмет на свои плечи какая-нибудь другая инстанция. Конечно, очень соблазнительно провести расследование своими силами, чтобы все лавры достались именно местной полиции, но это хорошо, когда есть полная уверенность, что злой умысел действительно имел место. Совсем иное дело – заявить во всеуслышание, что совершено преступление, на основании одного маленького предмета, лежавшего перед ними на столе. Допустить ошибку здесь значило не только признать свою полную некомпетентность, хуже того – вызвать всеобщее возмущение, а на это идти никто не хотел. Поэтому Грант сдал свой абонемент на ложу в Критерион-театре и приехал в Вестовер. Он тоже в свою очередь осмотрел смутившее всех вещественное доказательство, терпеливо выслушал все их соображения по этому поводу, внимательно ознакомился с заключением медицинского эксперта и заснул лишь под утро с твердым намерением подробно допросить Роберта Тисдейла. Ну вот, теперь Тисдейл молча сидел рядом с ним, все еще в полуобморочном состоянии, которое было связано с внезапным интересом к его особе со стороны Скотленд-Ярда.

Преступление налицо. Тут нет никаких сомнений. Однако допрашивать Тисдейла сейчас, в присутствии шофера, не стоило, а до Вестовера парень, быть может, немного очухается. Грант достал фляжку и протянул ее Тисдейлу. Тот взял ее дрожащими руками, отхлебнул солидную порцию виски и оправдывающимся тоном проговорил:

– Не понимаю, что на меня нашло. Все это страшно на меня подействовало. Всю ночь не сомкнул глаз. Все время думал о том, что произошло. Не то чтобы мне хотелось об этом думать – просто никак не мог забыть, и мысли невольно крутились вокруг этого. А тут еще во время слушания дела мне вдруг показалось... А может, не показалось? Может, действительно что-то нечисто. Может, и не сама она утонула, а? Почему они отложили разбирательство?

– Есть кое-какие обстоятельства, которые требуют дополнительных разъяснений.

– Что, например?

– Давайте отложим этот разговор до Вестовера.

– Все, что я скажу, может быть представлено на суде стороной обвинения? – спросил Тисдейл, стараясь казаться равнодушным.

– Точно. Как раз это я и собирался вам сказать, – небрежным тоном проговорил Грант. Остаток пути они проехали молча.

К тому моменту, когда они вошли в кабинет старшего констебля местного отделения полиции, вид у Тисдейла был хоть и утомленный, но в общем-то вполне нормальный. Настолько нормальный, что, когда Грант, обращаясь к старшему констеблю, сказал: «Это мистер Тисдейл», тот – добродушнейший человек, если только не просить у него денег, – уже готов был пожать юноше руку и опомнился в последнюю минуту.

– Добрый день, – сказал он и шумно откашлялся, чтобы скрыть минутное замешательство.

Он чуть было не сделал грубейшей ошибки. Этого только не хватало: пожать руку субъекту, подозреваемому в убийстве. Правда, честно говоря, на преступника он совсем не походил. Вообще нет. Хотя в наши дни по внешности судить трудно. Самые симпатичные люди вдруг обнаруживали такие пороки, о которых он до недавнего времени и представления не имел. Прискорбно все это, очень прискорбно. Да, но здороваться за руку с подозреваемым?! Нет, определенно не стоит.

– Гм... Кхе-кхе. Прекрасное утро! – продолжил он после паузы. – Правда, для скачек плохо.

Тяжко при такой-то жаре. Зато хорошо для отпускников. Нельзя думать только о собственных удовольствиях. Вы любите скачки? Наверное, ездите в Гудвуд. Ну ладно. Пожалуй, наш друг предпочтет побеседовать с вами без помех.

Было как-то неудобно подчеркивать официальный статус Гранта. Приятный человек, этот Грант. Сразу видно, хорошо воспитан и вообще...

– Так я пошел перекусить. В «Корабль». – Это к сведению Гранта, в случае надобности. – Кормят там средне, но в остальном – вполне приличное заведение, и обслуживают хорошо. Не то что в новомодных ресторанах на воде. Ради бифштекса с картошкой в «Корабле» не нужно идти через всю палубу, где загорают гольшом.

Старший констебль наконец отбыл.

– Такой персонаж только Фредди Ллойд бы сыграть! – с иронией заметил Тисдейл.

– Вы что же, театральным завсегда?

– Был, и не только театральным, я был завсегдаем всех развлекательных мест.

Слух Гранта сразу уловил некую примечательную особенность в построении фразы.

– Почему «был»? – спросил он.

– Потому что теперь я разорился. Развлечения требуют денег.

– Вы, надеюсь, еще не забыли известную формулу, о которой сами недавно упомянули: «Все, что вы скажете, может быть использовано в суде.» – и так далее?

– Нет, но все равно спасибо, что напомнили. Хотя это ничего не меняет. Я вам говорю то, что есть на самом деле. Если вы сделаете из сказанного мною неправильные выводы, это ваша вина, а не моя.

– Ага, выходит, вы меня проверяете, а не я вас. Ловко это у вас получилось. Отдаю вам должное. Ладно, давайте испытывайте меня. Поглядим, что у нас с вами выйдет. Я хочу знать, как могло получиться, что вы жили под одной крышей с женщиной и даже не знали ее полного имени. Вы ведь так сказали сержанту, верно?

– Да. Знаю, это выглядит неправдоподобно. К тому же довольно глупо. На самом деле все очень просто. Понимаете, однажды вечером я стоял на тротуаре возле кинотеатра Гейсти; было уже очень поздно, и я раздумывал, как мне быть дальше. В кармане у меня оказался один пятипенсовик, но это было ровно на пять пенсов больше, чем нужно. Потому что я твердо решил остаться совсем без гроша. Так вот я и размышлял, то ли мне срочно истратить пять

пенсов, хотя непонятно, на что я мог их истратить, то ли сжульничать и притвориться, что у меня их как бы и нет. И вот...

– Минуточку. Может, я слишком непонятлив, но объясните, пожалуйста, почему эти пять пенсов имели для вас такое значение?

– Потому что это было все, что осталось от моего состояния, вот почему. Тридцать тысяч. Они мне достались от дяди, маминого брата. Моя фамилия Станвей, но дядя Том поставил условие: я получу наследство, если возьму его фамилию. Я ничего не имел против. Тем более что Тисдейлы гораздо лучше Станвеев: все они люди положительные и умеренные. Будь я настоящим Тисдейлом, то наверняка не стал бы банкротом, но я почти целиком Станвей. Я повел себя как круглый идиот, я просто живая иллюстрация к назидательному рассказу о транжире и шалопае. До того как мне досталось наследство, я работал в конструкторском бюро, жил в меблированных комнатах и еле сводил концы с концами. Сумма показалась мне грандиозной, я решил, что мне не истратить ее за всю жизнь. Я бросил работу и отправился путешествовать по местам, о которых всегда мечтал и которые никогда не надеялся увидеть: в Нью-Йорк и Голливуд, Будапешт, Рим, на Капри и еще бог знает куда. Когда я вернулся в Лондон, у меня оставалось еще около двух тысяч; я намеревался положить их в банк и устроиться на работу. Два года назад мне это было бы нетрудно сделать, я имею в виду – отложить деньги. Тогда у меня не было знакомых, которые помогали бы мне их тратить. Но за два года я обзавелся кучей приятелей во всех концах света: в одном только Лондоне к моему возвращению их объявилось не менее дюжины. Потому и вышло так, что однажды утром я проснулся и обнаружил, что у меня осталась последняя сотня. Это меня несколько отрезвило – как ушат холодной воды. Впервые за два года я сел и задумался.

У меня было две возможности. Первая – стать губкой; если ты опытная губка, то по полгода можно жить за счет друзей в шикарных гостиницах столиц всего мира. Мне ли этого не знать – сколько таких губок я сам питал в течение двух лет! Вторая возможность – покинуть высший свет, исчезнуть. Второй вариант показался мне менее хлопотным. Я мог просто исчезнуть. Люди бы это приняли как само собой разумеющееся: раз меня нет в Лондоне, значит, я где-нибудь на другом конце света – в одном из тех зланных мест, куда обычно ездят богатые бездельники вроде них. Понимаете, ведь все считали меня сказочно богатым, и исчезнуть, чтобы оставить их в этом приятном заблуждении, казалось значительно проще, чем остаться и сделаться предметом их насмешек, когда откроется правда.

Я расплатился по счетам, и у меня осталось пятьдесят семь фунтов. Тогда я решил поставить на последнюю карту – и, если повезет, начать новую жизнь. Само по себе это было мудрое решение, вполне достойное Тисдейлов. Ну я и поставил на Краснопевого на скачках, а он взял да и пришел пятым. На двадцать с небольшим фунтов в кармане никакого дела не начнешь, кроме одного – стать разъезжим продавцом с собственной тележкой. Пришлось бы, конечно, вести кочевую жизнь. Это меня не особенно пугало – как-никак перемена обстановки. Но оказалось, что с двадцатью семью фунтами нечего было думать даже об этом, поэтому я решил устроить себе последний шикарный вечер и продуть все до последнего пенса. Я решил, что потом заложу свой вечерний костюм и с этими деньгами пушусь в дорогу – куда глаза глядят. Я не рассчитал только одного – в полночь на Вест-Энде никто у тебя в залог ничего не возьмет, а показаться на дороге во фраке и вечерних лакированных туфлях будет, мягко говоря, странновато.

Ну вот, как я уже сказал, я стоял там в досаде на завалившийся пятипенсовик и раздумывал, что мне предпринять по поводу подходящей одежды и ночлега. Я находился как раз под светофором возле «Олдвика», знаете, как раз перед поворотом к Ланкастеру. В это время загорелся красный свет, и рядом со мной притормозила машина. В ней сидела Крис. Она была одна.

– Крис?

– Разумеется, тогда я еще не знал, что ее так зовут. Она мельком взглянула на меня. Улица была абсолютно пустынной. Только я и она – больше никого. Я оказался совсем рядом с дверцей машины и ничуть не удивился, как будто это было вполне естественно, когда она улыбнулась и спросила: «Вас куда-нибудь подвезти, мистер?» И я ответил: «Да, на край света», а она ответила: «Это мне не совсем по дороге. Чэттэм, Февершам, Кентербери и куда-нибудь к восточному побережью вас устроит?» Что ж, это тоже был выход: не мог же я стоять там всю ночь, а выдумать сколько-нибудь правдоподобную историю, чтобы напроситься на ночлег к одному из приятелей, я был не в состоянии. К тому же весь тот мир мне уже стал казаться чуждым. Она была очень приветлива со мной. Я не рассказал ей всего, что сказал сейчас вам, но вскоре она поняла, что я остался без гроша. Я пустился было в объяснения, но она сказала: «Хватит, я ничего не хочу знать. Давайте примем друг друга такими, как есть. Вы – Робин, я – Крис, и все». До этого я представился как Роберт Станвей, она, сама о том не подозревая, вдруг назвала меня так, как меня все звали в детстве, – Робин. Мои приятели звали меня Бобби. Мне было ужасно приятно, что кто-то снова назвал меня Роббином.

– Почему же вы назвали Станвеем?

– Сам не знаю. Вероятно, хотелось отойти от фамилии, с которой было связано мое несчастное наследство. В любом случае этой фамилии я славы не прибавил. И в душе я всегда оставался Станвеем.

– Продолжайте.

– Продолжать-то больше почти нечего. Она предложила пожить у нее. Сказала, что живет одна, но... но что я буду гостем, не более того. Я спросил, не боится ли она приглашать в дом человека с улицы, а она ответила: «Я всю жизнь только и делала, что рисковала, и мне всегда везло».

Я не очень-то верил, что мы уживемся, но все обернулось прекрасно. Она оказалась права. Принять друг друга такими, как есть, – это ее решение сделало нашу жизнь и легкой, и приятной. Я понимаю, это странно звучит, но у меня было такое чувство, что мы знакомы сто лет. Если бы мы стали знакомиться по всем правилам, то нам, наверное, потребовались бы недели, а может, и месяцы для того, чтобы так легко и свободно общаться. Нам было хорошо вместе. Я не имею в виду ничего интимного, хотя она была чудо как хороша. Просто я считал ее молодчиной, она была сама доброта. У меня с собой не было и пары белья. Весь следующий день я провел в купальном костюме и чем-то халате, которые случайно оказались в коттедже. В понедельник миссис Питтс входит ко мне в комнату и говорит: «Вам чемодан, сэр!» – и бухает на пол чемодан, который я видел впервые в жизни. В нем оказалось абсолютно все: твидовый пиджак, брюки из шерстяной фланели, носки, рубашки – в общем, все, что требуется. Чемодан не новый, но на нем был ярлычок с моей фамилией. Она даже запомнила мою фамилию! Не могу передать вам, что я при этом почувствовал. Понимаете, впервые за многие годы мне кто-то что-то давал, а не брал. Последнее время меня окружали люди, которые только требовали: «Дай, дай, дай», «Бобби заплатит», «Бобби одолжит свою машину». Мной как человеком никто из них никогда и не интересовался. Они, по-моему, даже хорошенько не знали меня в лицо. Этот чемодан с одеждой меня окончательно доконал. Я был готов умереть ради нее, если бы это понадобилось. Она рассмеялась, когда увидела меня в новом облачении, – вещи, конечно, были не такие дорогие, как те, к которым я привык за последнее время, но как раз на меня и сидели хорошо... Так вот, она рассмеялась и говорит: «Это, конечно, не с Бартон-стрит, но выглядит неплохо. И ты не можешь упрекнуть меня, что я не разбираюсь в размерах!»

И мы стали проводить все время вместе – загорали, бездельничали, читали, болтали, ходили купаться, даже готовили еду в отсутствие миссис Питтс. Я перестал думать о будущем. Она предупредила, что дней через десять ей нужно будет отсюда уезжать. Из деликатности я в первый же день хотел уйти совсем, но она не позволила. А потом я больше и не пытался. Так и вышло, что я жил у нее, не зная ее полного имени.

Он с облегчением вздохнул и откинулся на стуле.

– Теперь я понимаю, что психоаналитики не зря зарабатывают большие деньги. Уже давно я не испытывал такого удовольствия, как сейчас, когда наконец рассказал вам все.

Грант невольно улыбнулся: юноша так располагал к себе своей детской наивностью! Но тут же инспектор стряхнул с себя это чувство, как вылезший из воды пес. Обаяние. Самое опасное оружие из всего арсенала человеческих средств защиты. Его действие продемонстрировали сейчас у Гранта перед самым носом. Теперь Грант уже вполне бесстрастно и пристально вглядывался в добродушное, слабовольное лицо сидевшего перед ним молодого человека. Он знал по меньшей мере одного убийцу с точно таким же типом красоты: голубоглазый, приветливый, безобидный на вид, он бросил расчлененный труп своей возлюбленной в яму с известью. Глаза Тисдейла были особого, бледно-голубого цвета, который, по наблюдениям Гранта, присущ мужчинам, не мыслящим себя вне женского общества. Такие глаза бывают у маменькиных сынков и иногда у заядлых сердцеедов.

Ладно, историю Тисдейла он проверит потом. А пока...

– И вы думаете, я поверю, что за все четыре дня, проведенные с мисс Клей, вы так и не догадались, кто она такая? – спросил он, стараясь незаметно подвести Тисдейла к самому важному для него вопросу.

– Я подозревал, что она актриса. Отчасти по тому, о чем она говорила, но главным образом по количеству киножурналов в доме. Однажды я спросил ее об этом, но она сказала: «Никаких имен и никаких допросов, Робин. Так будет лучше. Не забудь, о чем мы договаривались».

– Понятно. Среди одежды, которую купила для вас мисс Клей, был плащ?

– Нет. Только дождевая накидка. Пальто у меня свое.

– Значит, поверх вечернего костюма на вас было пальто?

– Да. Когда мы отправились обедать, моросил дождь. Мы – я имею в виду всю компанию.

– Оно и сейчас у вас?

– Нет. Его украли из машины, когда мы ездили осматривать Димчарч. – В глазах Тисдейла вдруг появилось беспокойство. – А что? Какое отношение имеет ко всему этому пальто?

– Вы заявили о краже?

– Нет. Ни она, ни я не хотели привлекать к себе лишнего внимания. Но что...

– Расскажите мне, пожалуйста, поподробнее про утро четверга.

Лицо человека, сидевшего напротив Гранта, стало меняться на глазах: из беззаботного оно снова сделалось напряженным, даже враждебным.

– Как я понял, вы не отправились купаться вместе с мисс Клей, так?

– Так. Но я проснулся сразу же после того, как она уехала.

– Откуда вы знали, когда именно она уехала, если спали?

– Потому что было только шесть утра. Она не могла уехать намного раньше, и миссис Питтс потом подтвердила, что я вышел из дому буквально за ней следом.

– Так. И, грубо говоря, за те полтора часа, что прошли между тем, как вы встали с постели, и тем, когда увидели тело мисс Клей на берегу, вы успели дойти до Расщелины, украсть ее машину, доехать почти до Кентербери, раскаявшись в содеянном, вернуться назад и обнаружить, что она утонула. Я ничего не упустил?

– Пожалуй, ничего.

– Если вы действительно испытывали к мисс Клей, по вашим же словам, огромную благодарность, как вы объясните кражу ее машины? Это, по-моему, чудовищно.

– Не то слово! Я и теперь не могу поверить, что я действительно это сделал.

– Вы уверены, что не входили утром в воду?

– Конечно, уверен, а в чем дело?

– Когда вы последний раз купались? Я имею в виду до утра четверга?

– Во вторник днем.

– Ваш купальный костюм в четверг был абсолютно мокрым.

– Откуда вы это знаете? Ну да, он был мокрый. Но не от соленой воды. Я разложил его просушить у себя под окном, а когда стал в четверг одеваться, то заметил, что птицы, которые сидели высоко на яблоне, вон той, ветви закрывают фонарь, – так вот, птицы обошлись с моим купальником довольно нагло. Поэтому я простирал его снова в той воде, в которой только что помылся.

– Вы не вывесили его сушиться опять?

– Опять туда же?! После того, что эти птицы учудили? Нет, я повесил его на сушилку для полотенец. Бога ради, инспектор, объясните же наконец, какое отношение все это имеет к смерти Крис? Неужели вы не видите, что вопросы, смысл которых мне непонятен, пытка для меня? Все это выше моих сил. Утреннее слушание было последней каплей. Один за другим они снова и снова описывали, как обнаружили тело. Тело! Какое тело, когда это Крис, Крис! А теперь вы со своими вопросами и недоверием к каждому моему слову. Даже если не все ясно с обстоятельствами ее смерти, какое отношение к этому имеет мое пальто?

– А такое, что в ее волосах запуталось вот это.

Грант открыл картонный коробок, лежавший перед ним на столе, и извлек оттуда пуговицу от мужского пальто. Она была вырвана с мясом, оборванные нитки болтались вокруг ее ушка, и в них запуталась тонкая прядка золотистых волос. Тисдейл вскочил со своего места и, опершись о стол, склонился над предметом:

– Так вы считаете, что кто-то утопил ее? Взял и просто утопил?! Но пуговица не моя. Таких пуговиц сотни и тысячи. Почему вы решили, что она моя?

– Я еще ничего не решил, мистер Тисдейл. Я просто рассматриваю разные варианты, чтобы свести их количество до минимума. От вас я хотел бы одного: чтобы вы вспомнили, на каких предметах вашей одежды могли быть такие же пуговицы. Вы сказали, что у вас было пальто, но его похитили.

Тисдейл, не мигая, уставился на инспектора, то беспомощно открывая, то вновь закрывая рот. В дверь небрежно постучали, она тут же распахнулась настежь, и посреди комнаты оказалась худенькая девочка-подросток лет шестнадцати, в потертом твидовом пиджаке, с непокрытой головой и спутанными волосами.

– Ой, извините, – проговорила сия молодая особа. – Я думала, отец у себя. Еще раз простите.

В этот момент Тисдейл без чувств грохнулся ничком об пол. Грант, сидевший по другую сторону стола, вскочил, но худенькая девчушка, без видимой спешки, оказалась возле Тисдейла раньше.

– Ай-ай-ай! – проговорила она и, обхватив безжизненное тело за плечи, ловко перевернула Тисдейла на спину. Грант взял с дивана подушку, чтобы подложить ему под голову.

– А вот этого не надо, – сказала она. – Голова в таких случаях должна лежать ровно, если только это не апоплексический удар, а апоплексии у таких молодых не бывает.

Произнося это, она расстегивала ему воротничок и развязывала галстук с проворством стряпухи, обравнивающей сладкий пирог. Грант заметил, что ее загорелые худенькие запястья покрыты царапинами разной стадии заживления и что рукава ее пиджачка слишком коротки.

– Кажется, бренди вон в том шкафу. Отцу пить нельзя, но он все равно не слушается.

Грант действительно обнаружил бренди в указанном месте, а когда вернулся к Тисдейлу, то увидел, что она легонько, но настойчиво похлопывает еще не пришедшего в сознание юношу по щекам.

– Вы, я смотрю, прекрасно знаете, что надо делать в таких случаях.

– Еще бы, я руковожу школьным кружком гидов-инструкторов.

Манера общения у нее была лаконичная, но вполне дружелюбная.

– Оч-чень глупая организация, но по крайней мере вносит в жизнь хоть какое-то разнообразие. А разнообразие – это самое главное в жизни.

– Так всему этому вас научили в кружке гидов?

– Да нет, что вы. Там они в таких случаях дают понюхать горелую бумагу или ароматические соли. А этому я выучилась в раздевалке.

– Где?!

– В раздевалке, в клубе спортивной борьбы. Я всегда болела за Пете, но в последнее время у него пропала быстрота, реакция стала замедленной. Во всяком случае, надеюсь, что с ним ничего плохого не приключилось, только это. Сейчас очнется. – Последнее ее замечание относилось к Тисдейлу. – Теперь, пожалуй, ему можно дать бренди.

Пока Грант вливал алкоголь в горло Тисдейла, она спросила:

– Вы что же, допрашивали его с применением силы? Вы полицейский, да?

– Послушайте, милая барышня, простите, не знаю вашего имени...

– Эрика. Эрика Баргойн.

– Так вот, дорогая мисс Баргойн, как дочери старшего констебля вам должно быть известно лучше других, что от применения силы в нашей стране больше всего страдает в первую очередь сама полиция.

– Тогда отчего он потерял сознание? Он что, преступник?

– Я не знаю, – вырвалось у Гранта.

– Едва ли, – сказала она, окидывая закашлявшегося Тисдейла задумчивым взглядом. – Наверяд ли он годится на что-нибудь путное.

Она произнесла это все тем же тоном стороннего наблюдателя, выдавшего и не такое.

– Не поддавайтесь внешнему впечатлению, оно бывает обманчиво, мисс Баргойн.

– А я и не поддаюсь. То есть не в том смысле, о чем вы подумали. Он не в моем вкусе. По внешнему виду тоже можно многое сказать, надо только разбираться, что к чему. Вы же не станете, например, покупать хорошенького жеребца, если у него глаза близко посажены?

Грант вынужден был признаться себе, что это самая удивительная беседа из всех, которые ему когда-либо приходилось вести. Девушка стояла перед ним, засунув руки в карманы пиджака, которые от долгого употребления совсем отвисли. Рукава были обтрепаны, а из самого пиджака в местах, где его зацепили шипы ежевики, торчали нитки. Из юбки она давно выросла, и один чулок на тонкой, как спичка, ноге был весь перекручен. Лишь по ее ботинкам, расцарапанным, как и руки, но прочным, на толстой подошве и явно дорогим, можно было догадаться, что она не из сиротского приюта. Но затем Грант перевел взгляд на ее лицо. Оно явно свидетельствовало о том же. Спокойная независимость бледненького треугольного личика не могла явиться следствием воспитания на деньги добровольных жертвователей.

– Так-то лучше! – ободряюще сказала она, обращаясь к Тисдейлу, пока Грант помогал ему подняться и подводил к стулу.

– Сейчас вам станет совсем хорошо. Хлебните-ка еще немного бренди. Лучше выпейте его вы, чем отец, он все равно изведет все виски как бы на растирания. Я пошла. Вы не знаете, где отец? – обратилась она к Гранту.

– Пошел перекусить в «Корабль».

– Спасибо, – и, обращаясь к еще не вполне очнувшемуся Тисдейлу, добавила: – У вас воротник слишком тесный.

Когда Грант уже собирался распахнуть перед нею дверь, она проговорила:

– Кстати, вы так и не сказали, как вас зовут.

– Грант. Всегда к вашим услугам. – И он отвесил ей легкий поклон.

– Пока я в них не нуждаюсь, но, может, когда и воспользуюсь.

Она задержала на Гранте внимательный взгляд. Грант поймал себя на мысли, что ему ужасно не хочется, чтобы она и его причислила к категории «хорошеньких жеребчиков».

– Вот вы в моем вкусе, – услышал он. – Мне нравится, когда у мужчин широкие скулы.
До свидания, мистер Грант.

– Кто это? – спросил Тисдейл слабым, безучастным голосом.

– Дочка полковника Баргойна.

– Она права насчет моего воротничка.

– Это что, один из подаренных?

– Да. Вы меня арестуете?

– Нет, с чего вы взяли?

– Это было бы не так уж и плохо.

– Да ну? Отчего же?

– Сам собою решился бы вопрос, куда мне деваться. Из коттеджа я утром ушел. И теперь без крыши над головой.

– Вы серьезно решили начать бродячую жизнь?

– Конечно. Вот только обзаведусь подходящей экипировкой.

– Мне бы хотелось, чтобы вы задержались на какое-то время. Вдруг мне понадобится от вас дополнительная информация.

– Понимаю. Но куда мне деться?

– А что, если вам вернуться опять в конструкторское бюро? Почему не попытаться найти работу?

– Никогда больше туда не вернусь. Только не в бюро. Меня туда сунули потому, что я умею чертить.

– Следует ли понимать вас так, что вы считаете себя неспособным заработать на кусок хлеба?

– А вы язва! Нет, от работы я не отказываюсь. Вопрос только в том, на что я гожусь.

– За те два года, пока вы болтались в высшем свете, должны же вы были ну чему-то научиться, ну машину водить, что ли.

В это время почтительно постучали и в дверь просунулась голова сержанта.

– Извиняюсь, что потревожил вас, сэр, но мне нужно кое-что проверить по картотеке шефа. Срочно.

Получив разрешение, он вошел в кабинет.

– В этот сезон у нас на побережье весело. Прямо как на континенте, – заметил он, просматривая картотеку. – Ага, вот он, шеф-повар в «Моряке». Это за городом, значит, в нашем округе. Так вот, шеф-повар в «Моряке» пырнул ножом официанта за то, что у него перхоть. У официанта то есть. Теперь шеф-повар на пути к тюрьме, а официант – к больнице. У него, кажется, задето легкое. Ну ладно, спасибо, сэр. Еще раз извините за беспокойство.

Грант посмотрел на Тисдейла. Тот с меланхолично-рассеянным видом поправлял узел галстука. Поймав взгляд Гранта, Тисдейл вначале выразил полное недоумение, но затем догадался и с живостью спросил:

– Послушайте, сержант, вы не знаете, они нашли замену официанту?

– Точно знаю, что не нашли. Менеджер, мистер Тозелли, волосы на себе рвет.

– У вас ко мне больше нет вопросов? – спросил юноша Гранта.

– На сегодня все. Желаю удачи, – отозвался Грант.

Глава пятая

– Нет, еще никого не арестовали, – сообщил Грант по телефону начальнику криминального отдела Скотленд-Ярда Баркеру. Разговор происходил ранним вечером. – Однако в том, что это убийство, у меня никаких сомнений нет. Медицинский эксперт тоже в этом убежден. Пуговица в волосах, конечно, могла оказаться случайностью, хотя если бы вы сами ее видели, то тоже пришли бы к заключению, что это не случайность; но, помимо этого, у нее все ногти обломаны, будто она за что-то цеплялась. Все, что удалось обнаружить под ногтями, сейчас на анализе, но там задержалось не много – после целого часа в морской воде, сами понимаете.

Что?.. Видите ли, все сходится на одном человеке, но странным образом одни улики исключают другие. Думаю, разобраться будет сложно. Я оставляю здесь пока Вильямса, для того чтобы он занялся выяснением и уточнением обычных деталей, а сам хочу сегодня вечером вернуться в город. Надо увидеться с Эрскином, ее поверенным. Он приехал к самому началу слушания, а я потом провозился с Тисдейлом и упустил его. Будьте добры, узнайте, когда он сегодня попозднее сможет уделить мне время. Похороны состоятся в понедельник на кладбище Голдерс-Грин. Да, будут кремировать. Пожалуй, я тоже туда заеду. Хочу взглянуть на ее друзей-приятелей. Да, может, пойду пропустить стаканчик, но это будет зависеть от того, когда я освобожусь. Спасибо.

Грант повесил трубку и присоединился к Вильямсу. Тот решил попить чайку: для обеда было еще слишком рано, а Вильямс обожал яйца с беконом и большим количеством жареного хлеба.

– Сегодня воскресенье, так что наши расследования насчет пуговицы могут несколько притормозиться, – заметил Грант, устраиваясь рядом. – Ну а что говорит миссис Питтс?

– Говорит, что не знает, было на нем пальто или нет. Она только видела его макушку поверх живой изгороди, когда он проходил мимо ее дома. Правда, было на нем пальто надето в то утро или нет, в сущности, не важно, потому что, по словам миссис Питтс, оно, как и пальто мисс Клей, обычно лежало за сиденьем в машине. Миссис Питтс не помнит, когда она видела это пальто в последний раз. Он часто его надевал – и по утрам, и по вечерам. Она говорит, что он вообще был «зяблик». Считала, это оттого, что он долго прожил в теплых краях. Вообще она о нем невысокого мнения.

– Считает его негодяем?

– Да нет. Просто никчемным парнем. Сдается мне, сэр, что совершил это дело очень умный человек.

– Почему вы так решили?

– Не объявись эта пуговица, никто ничего и не заподозрил бы. Сочли бы, что она утонула. Было известно, что она каждое утро ходит купаться, так что ничего необычного в ее смерти не было бы. Ни следов чужих на берегу, ни оружия, никаких внешних признаков насильственной смерти. Все очень аккуратно исполнено.

– Да, действительно, аккуратно.

– Не слышу в вашем голосе особого восторга, сэр.

– Меня смущает это чертово пальто. Если бы вы собирались утопить женщину в море, неужели вы бы надели плащ или пальто?

– Не знаю. В зависимости от того, какой способ я захотел бы избрать.

– Ну и какой же способ вы бы предпочли?

– Поплыл бы вместе с ней, а потом пригнул бы ей голову и подержал под водой.

– Тогда наверняка у вас все руки окажутся расцарапанными. Уже улика.

– У меня бы никаких царапин не нашли. Я бы схватил ее за щиколотки, пока мелко, а потом, где поглубже, просто перевернул бы ее вверх тормашками и держал так, пока не утонет.

– Ну и Вильямс! Ну и злодей!

– А как бы вы это сделали, сэр?

– Идея с водной акробатикой меня не прельщает. А вдруг я вообще не умею плавать или боюсь холодной воды? Или, предположим, мне надо как можно быстрее исчезнуть, а тут пока еще выберешься из воды, пока оденешься... Нет, я бы взобрался на скалу где-нибудь на глубоком месте, окликнул бы ее, а когда она подплыла, схватил бы за голову и держал под водой. Таким образом, она бы могла мне только руки расцарапать, но, чтобы избежать этого, я бы надел кожаные перчатки. Через несколько секунд она бы потеряла сознание – и все было бы кончено.

– Великолепно, сэр, только такой метод на мили от Гейна нигде нельзя применить.

– Почему это?

– Утесов нет.

– Ага, правильно. Молодец. Но можно найти им замену: каменные гряды, которые уходят далеко в море.

– Точно! Вы думаете, так оно все и случилось, сэр?

– Как знать? Пока это всего лишь теория. Но пальто все-таки меня сбивает с толку.

– Не вижу на это причины, сэр. Утро было туманное, и в шесть утра еще довольно прохладно. Любой мог быть в пальто.

– Возмо-о-жно, – протянул Грант и решил пока больше не думать про пальто. (Это был один из тех случаев, когда маленькая деталь не укладывалась в привычное логическое построение: частенько именно внимание к таким нелогичным деталям обеспечивало Гранту успех в решении сложного дела.)

Грант стал давать Вильямсу указания по поводу того, чем ему заниматься, пока он сам будет в городе. Под конец он сказал:

– Я только что снова виделся с Тисдейлом. Он получил место официанта в «Моряке». Не думаю, что он пустится в бега, но для верности приставьте к нему человека. Полагаю, Сангер с этим справится. Вот предполагаемый маршрут, по которому проехал Тисдейл в четверг утром, когда угнал машину. – С этими словами он передал Вильямсу лист бумаги и добавил: – Пере-проверьте его. Может быть, несмотря на ранний час, кто-нибудь запомнил его или машину. Главное, узнайте: был ли он в пальто.

Мое мнение таково, что он действительно угонял машину. Но не по тем причинам, которые назвал.

– Когда я прочел его показания, то решил, что он дал очень неправдоподобное объяснение. Неужели ничего лучше не смог выдумать? Как вы считаете, сэр, почему он это сделал?

– Когда он ее утопил, то, вероятно, первой его мыслью было поскорее убраться отсюда подальше. С машиной он смог бы очутиться на другом конце Англии или даже за границей, прежде чем был бы обнаружен труп. Но потом что-то его остановило: он понял, что делает великую глупость. Может, спохватился, что на обшлага не хватает пуговицы. Во всяком случае, до него дошло, что самое безопасное для него – оставаться на месте и делать невинный вид. Он избавился каким-то манером от обличающего его пальто – даже если он и не заметил отсутствия пуговицы, рукава пальто должны были быть по локоть мокрые, – повернул назад, поставил на место машину, обнаружил, что благодаря приливу тело уже нашли, и прекрасно разыграл на пляже сцену шока. Ему даже не очень-то пришлось и притворяться: одной мысли о том, что он чуть не свалил дурака, наверное, оказалось вполне достаточно, чтобы впасть в истерику.

– Так вы считаете, это все-таки он?

– Не знаю. Мне кажется, у него не было мотива. Он остался без гроша, а она была женщиной щедрой. У него были все основания желать ей долгой жизни. Он, конечно, был ею увлечен. Он утверждает, что не был в нее влюблен, но на его слова мы полагаться не можем. Хотя

думаю, он не соврал, когда сказал, что между ними ничего не было. Он мог быть на нее зол за это, но мне кажется, он скорее всего просто накинулся бы на нее с кулаками. А убийство, и это самое отвратительное, Вильямс, совершено с холодным расчетом.

– Вы совершенно правы, сэр. У меня прямо все внутри переворачивается, – сказал Вильямс, любовно подцепляя вилкой кусок отменного вилтширского сыра и отправляя его в рот.

Глядя на него, Грант невольно улыбнулся. Ради этой улыбки его подчиненные готовы были за него в огонь и в воду. Он и Вильямс часто работали в паре и всегда к обоюдному удовольствию и в полном согласии. Главным образом, вероятно, оттого, что Вильямс, дай ему Бог здоровья, никогда не помышлял о карьере. В глубине души он был в гораздо большей степени добрым супругом своей хорошенькой преданной женоушки, чем честолюбивым сержантом криминальной полиции.

– Жаль, что я не успел перехватить ее поверенного после слушания. Мне многое надо у него выяснить, а теперь одному Богу известно, где он будет проводить уикенд. Я запросил в Ярде досье на нее, но поверенный наверняка сможет мне рассказать гораздо больше. Надо выяснить, кому она завещала деньги. Для Тисдейла ее смерть – катастрофа, но, возможно, для многих – это подарок судьбы. Поскольку она американка, то, вероятнее всего, ее завещание где-нибудь в Штатах. К моему приезду в Ярде уже будут все нужные сведения.

– Кристина Клей никакая не американка, сэр! – воскликнул Вильямс таким тоном, будто его безмерно удивила неосведомленность Гранта.

– Да? А откуда она?

– Уроженка Ноттингема.

– Но все говорят о ней как об американке.

– Факт есть факт. Родилась в Ноттингеме и школу там окончила. Говорят, потом работала на кружевной фабрике, хотя тут за правду не поручусь.

– Я и забыл, что вы киноман. Давайте выкладывайте, что вам еще о ней известно.

– Как вам сказать, я знаю только то, что вычитал в таких журналах, как «Мир кино», «Фото» и прочих. Они, конечно, печатают массу всякой чепухи; с другой стороны, часто публикуют самые интимные факты – только чтобы привлечь читателей. Она не любила давать интервью. Каждый раз излагала события своей жизни по-новому. А когда ей на это указывали, говорила: «Ну, прошлый рассказ у меня вышел очень скучный! Я придумала поинтереснее». Каждый раз не знали, чего от нее ждать. Все объясняли ее темпераментом.

– А вы бы это иначе объяснили? – живо спросил Грант, чей слух всегда чутко схватывал любую еле заметную интонацию.

– Пожалуй, да, иначе. Мне всегда представлялось, что это ее средство самозащиты. Понимаете, люди ведь только в том случае могут причинить вам боль, если они хорошо знают ваши слабые места. А коли они не знают, кто вы есть на самом деле, то вы сами можете ими вертеть как вздумается, а не они вами.

– Бывшая работница кружевной фабрики, которая сумела пробиться в кинозвезды, вряд ли могла остаться легкоранимой.

– Как раз потому она и была такой, как там вы ее сейчас называли, что вышла из работниц. Ее карьера была головокружительной: каждые полгода она оказывалась уже в ином, новом для нее мире. А это требует железной выдержки. Это все равно как ныряльщик, когда он стремительно поднимается из глубины на поверхность: приходится все время приспосабливаться к меняющемуся давлению. Нет, я думаю, ей необходима была раковина, куда она могла спрятаться, – и пусть все теряются в догадках, где она на самом деле.

– Оказывается, вы были ее фаном, Вильямс?

– Точно, был, – коротко ответил Вильямс, и его розовые щеки еще чуть-чуть порозовели. Он в сердцах шлепнул джем на огромный кусок хлеба. – И я не успокоюсь, пока не защелкну браслетки на руках парня, который это сделал.

– У вас есть соображения, кто это мог быть?

– Вы, конечно, можете на меня обижаться, сэр, но, по-моему, вы упускаете из виду человека, у которого явно был мотив.

– Кого это?

– Джейсона Хармера. Чего он тут вынюхивал с утра пораньше?

– Приехал из Сэндвича. Там ночевал на постоялом дворе.

– Это он так говорит. Местная полиция это проверяла?

Грант сверился со своими записями:

– Вроде бы нет. Он давал показания до того, как нашли пуговицу, тогда еще никто ни о чем не подозревал. А потом все сосредоточились на Тисдейле.

– Мотив у Хармера достаточно серьезный. Клей его бросает, и он застаёт ее в коттедже с мужчиной.

– Да, ничего не скажешь, весьма правдоподобно. Тогда добавьте к своему списку дел еще и перепроверку Хармера. Узнайте, что у него с собой из одежды.

SOS по поводу брошенного пальто уже разослан. Надеюсь, он даст какие-то результаты. Пальто – это все-таки более солидная улика, чем пуговица. Кстати, Тисдейл утверждает, что весь гардероб, кроме вечернего костюма, продал старьевщику с подходящей фамилией Тогер – в тогу облаченный, но он не знает, где его основная база. Это не тот ли, что располагался на Кровен-роуд?

– Тот самый.

– А где он теперь?

– В Вестбурн-Гроув, на самой окраине.

– Спасибо. Не сомневаюсь, что Тисдейл тут не соврал. Но есть вероятность, что такого же типа пуговицы и на другом его пальто. Это может тоже нам что-нибудь прояснить. Ну ладно, принимайтесь за работу, – заключил Грант, решительно вставая. – Хотя работа пока что идет вхолостую – как на кирпичном заводе: печь для обжига есть, а глины на кирпичи нет.

Он вынул из кармана «Страж» – так назывался дневной выпуск «Кларион» – и положил его рядом с тарелкой Вильямса. Набранный крупными буквами на первой странице заголовок гласил:

**«БЫЛА ЛИ СМЕРТЬ КРИСТИНЫ КЛЕЙ НЕСЧАСТНЫМ
СЛУЧАЕМ?»**

– Опять этот Джемми Хопкинс! – с отвращением воскликнул Вильямс и досадливо бросил в крепкий чай кусок сахара.

Глава шестая

Марта Халлард, как и полагалось ведущей актрисе, известной почти столь же широко, как собор Святого Джеймса или Хеймаркет, занимала апартаменты в доме, где лестницы были устланы ковровыми дорожками и в коридорах царил торжественная тишина. Устало поднимаясь по лестнице, Грант по достоинству оценил мягкий ковер под ногами, мельком подумав о том, каких трудов стоит пылесосить его каждый день. Он еще только входил с улицы через вертящуюся дверь, когда бледно-розовый лифт бесшумно заскользил вверх, поэтому, не дожидаясь его возвращения, Грант стал подниматься на второй этаж пешком. Консьержка сказала, что Марта у себя, около одиннадцати она приехала из театра и с ней еще несколько человек. Грант пожалел, что она не одна, но был полон решимости до исхода дня все-таки составить хоть какое-то представление о Кристине Клей и о тех, кто ее окружал. Баркеру не удалось назначить для него встречу с адвокатом. Его слуга сказал, что хозяин, в шоке от происшедшего, удалился в деревню, не оставив адреса, и не вернется раньше понедельника. (Вам попался хоть когда-нибудь адвокат, подверженный шокам? – заметил по этому поводу Баркер.) Так что с содержанием завещания, которое больше всего интересовало Гранта, придется ждать до понедельника. В Скотленд-Ярде он прочел ее досье – пока что неполное, а только то, что им удалось собрать за последние двенадцать часов, – всего пять страниц, и в нем только два обстоятельства привлекли внимание Гранта. Ее настоящее имя было Кристина Гото-бед. И у нее не было любовников. Во всяком случае официально. Даже в те решающие годы, когда незаметный бродвейский цветочек вдруг пышно расцвел и превратился в эстрадную певицу – звезду первой величины, у нее не было покровителя. Не было и позже, когда от музыкальных комедий она перешла к драме. Казалось, она взлетела к звездам только за счет собственных талантов. Это могло означать одно из двух: либо она до своего замужества в двадцать шесть лет оставалась девицей (что Грант, знакомый с жизнью не по учебникам психологии, считал вполне вероятным), либо она дарила свои ласки, лишь подчиняясь велению сердца (или капризу – все зависит от того, кто это говорит, романтик или циник). Четыре года назад лорд Эдуард Чампни (известный публике как Чинс), пятый сын старого Бада, встретился с ней в Голливуде, а через месяц они поженились. В то время шли съемки ее первого серьезного фильма, и, по общему мнению, «замужество пошло на пользу ее карьере». Два года спустя лорда Эдуарда знали уже только как «мужа Кристины Клей». Говорили, что он воспринял это совершенно спокойно. И брак оказался прочным. Судя по всему, они относились друг к другу дружески и со взаимным уважением. Вероятно, этому способствовала профессия Кристины, требовавшая от нее немало времени и сил; с другой стороны, основной интерес в жизни сэра Эдуарда (помимо Кристины) составляло посещение далеких стран, населенных дикими племенами, и их последующее описание. Пока он готовил очередную книгу, они с Кристиной жили более или менее под одной крышей и явно были довольны обществом друг друга.

То обстоятельство, что сэр Эдуард хоть и был пятым сыном, тем не менее обладал огромным состоянием, доставшимся ему от брата его матери («кожаного короля» Бремера), видимо, спасало брак от наиболее обычных в таких случаях опасностей. Гармонию довершало искреннее восхищение сэра Эдуарда своей талантливой женой.

«Каким образом можно было согласовать все эти сведения из досье с убийством?» – снова и снова спрашивал себя Грант, поднимаясь по ступеням. Хармер? Да, он был с ней рядом все три месяца, пока она снималась в Англии. Да, у них были общие интересы (продюсеры по-прежнему стремились, чтобы по сценарию Кристина пела: публика считала себя обманутой, если Кристина в фильме не пела), и мир праздных господ не сомневался в их интимных отношениях, что бы там ни утверждали их товарищи по ремеслу. Может, Тисдейл? Историчный юнец, которого она подобрала, поддавшись порыву великодушия или минутной прихоти

в момент, когда у нее было бесшабашное настроение и она сама не знала, чего хочет? Ладно, с Тисдейлом он как-нибудь разберется сам. Тем временем надо выяснить, какую роль в ее жизни играл Хармер.

Он поднялся до площадки второго этажа, когда услышал, как негромко щелкнула дверь лифта, и, повернув за угол, столкнулся нос к носу с Джемми Хопкинсом, как раз отнимавшим руку от кнопки звонка.

– Так, так! – заметил Джемми. – Да тут, оказывается, собирается теплая компания!

– Надеюсь, у вас есть приглашение?

– А я надеюсь, у вас есть ордер на обыск? В наши дни, завидев полицейского на пороге, люди тут же вызывают адвоката. Послушайте, инспектор, – торопливо добавил он уже совсем другим тоном, – давайте не будем мешать друг другу. Нам обоим пришла в голову одна и та же идея – поговорить с Мартой. Соединим усилия и сравним результаты. Не обязательно толкаться локтями.

Из чего Грант заключил, что Джемми далеко не уверен в радушном приеме. Он прошел вслед за Грантом в небольшой холл молча, не называя своего имени, и Грант, хоть и восхитился изворотливостью Джемми, решил не брать под свою защиту обнахалившуюся прессу.

– Этот джентльмен, насколько я знаю, из «Кларион», – сказал он горничной, уже повернувшейся, чтобы доложить об их приходе.

– Вот оно что! – воскликнула та, поглядывая на Хопкинса без большого энтузиазма. – Мисс Халлард всегда к вечеру чувствует себя очень утомленной, и потом, сейчас она занята, у нее друзья.

Но Хопкинсу на этот раз сопутствовала удача, и его все-таки не изгнали. Двойные двери, ведущие во внутренние комнаты, распахнулись, и оттуда донесся громкий, возбужденный голос:

– Мистер Хопкинс! Как мило! Наконец-то вы нам сами расскажете, о чем там трезвонят сегодняшние дневные выпуски! Я и не подозревала, что ты знакома с мистером Хопкинсом, дорогая Марта!

– Кто бы мог подумать, что придет такой час, когда я буду рад услышать этот голос, – пробормотал Хопкинс, делая шаг навстречу говорившей, в то время как Грант повернулся к входящей в комнату хозяйке. Она приветствовала его улыбкой:

– Алан Грант! Деловой визит или просто решили навестить меня?

– И то и другое. Окажите мне услугу: не объявляйте этим людям, кто я на самом деле. Ведите себя так, словно меня нет. Если сможете, избавьтесь от них поскорее. Я хотел бы поговорить с вами один на один.

– Для вас я готова сделать что угодно. Я вспоминаю о вас всякий раз, как надеваю свой жемчуг.

Грант, разумеется, не дарил ей жемчужного колье, он просто сумел отыскать его, когда оно было украдено.

– Входите же, я вас представлю остальным. Это ваш приятель? Кто он?

– Он не мой приятель. Это Хопкинс из «Кларион».

– А, тогда понимаю, отчего Лидия так горячо его приветствовала. А еще говорят, что актеры гонятся за прессой!

Она повела Гранта в гостиную, по пути представляя ему своих гостей. Первым был Клемент Клементс, фотограф светской хроники. Он весь блестел и переливался: под ярко-красным фраком на нем была желтая, как масло, рубашка из мягкой ткани. Он никогда в жизни не слышал об Алане Гранте, что дал понять весьма недвусмысленно. Вторым оказался некий военный в чине капитана – явно один из многочисленных поклонников Марты. Он цепко держался за свой бокал виски с содовой, как за единственный знакомый объект на совершенно чуждой ему территории, третьей была Джуди Селлерс – светловолосая девица с угрюмым лицом; из года

в год она снималась в одном и том же амплуа «туповатых блондинок», и вся ее жизнь была сплошной борьбой между аппетитом и страхом расползеть. Четвертой оказалась «та самая наперсница звезд», мисс Лидия Китс, которая из кожи вон лезла, чтобы заинтересовать своей особой Хопкинса, и была в полном восторге от его общества.

– Просто мистер Грант? – ядовито переспросил Хопкинс, услышав, как Марта представляет Гранта.

– А что, разве не так? – насторожилась Лидия. Ее глаза загорелись любопытством.

– Не так, не так! – пропел Хопкинс, но, встретив взгляд Гранта, не решился продолжать. Наживать себе врага в лице инспектора криминальной службы было более чем глупо. – Он обладатель громкого греческого титула, но стесняется об этом упоминать. Свой титул он получил за то, что выловил в одной прачечной рубашку особы королевской крови.

– Не обращайтесь на него внимания, мистер Грант. Он обожает слушать самого себя. Он часто брал у меня интервью, но так меня ни разу и не выслушал. Это не его вина. Едва он в первый раз переступил мой порог, как я поняла, что он родился под созвездием Рыб. А вот вы, мистер Грант, конечно, Лев. Правильно? Нет, можете мне не говорить, я и так знаю. Даже если бы я не чувствовала это здесь... – она постучала кулачком по плоской груди, – то все равно не ошиблась бы: все признаки Льва у вас налицо.

– Надеюсь, они не очень пугающие? – спросил Грант, думая только о том, как бы поскорее вырваться из когтей этой гарпии.

– Пугающие? Что вы, мистер Грант! Сразу видно, что вы ничего не понимаете в астрологии. Рожденный под знаком Льва – это король. Такие люди – баловни звезд. Им обеспечены успех и слава. Они – владыки мира.

– Когда же надо родиться, чтобы находиться под покровительством Льва?

– Между серединой июля и серединой августа. Думаю, вы родились в начале августа.

Грант полагал, что ничем не выдал своего удивления. Он действительно родился четвертого августа.

– С Лидией просто страшно иметь дело, – вмешалась Марта, передавая Гранту бокал. – Год назад она составила гороскоп для бедной Кристины Клей и предсказала ей смерть.

– И наконец-то попала в точку! – заметила девица Джуди, поглощая сэндвич за сэндвичем.

Лицо Лидии исказилось от ярости, и Марта поспешила утихомирить готовую вспыхнуть ссору.

– Это нечестно с твоей стороны, Джуди. Предсказания Лидии и до этого часто сбывались. Помнишь, она ведь предупредила Тони Пикина, что может произойти, еще до того, как он попал в авткатастрофу. Если бы он прислушался к ее словам и стал осторожнее, то не лишился бы обеих ног. И мне она сказала, чтобы я не принимала приглашения Клайнса и...

– Марта, дорогая, я не нуждаюсь в твоей защите. Тут дело не во мне. Я только читаю судьбу по звездам. А они не лгут. Чего другого и ждать от рожденной в созвездии Овна. Они обычно ни во что не верят и не способны увидеть то, что у них под самым носом.

– Приготовиться: ринг! – прошептал Джемми и щелкнул по дужке очков: «Начали!»

Но матч не состоялся: их отвлек Клементс.

– Мне хочется знать не про то, что Лидии открыли звезды, а про то, что полиция открыла в Вестовере, – проговорил он манерно.

– А я хотела бы узнать, кто ее кокнул, – подала голос Джуди, откусывая большой кусок очередного сэндвича.

– Джуди! – укоризненно воскликнула Марта.

– Да бросьте вы! Признайтесь, все мы думаем об одном и том же: перебираем возможные варианты. Лично я ставлю на Джейсона. Кто принимает ставку на Джейсона?

– Почему именно Джейсон? – спросил Клементс.

– Потому что он один из этих пламенных иудеев, в которых бурлят страсти, и они обожают горячие ванны.

– Джейсон бурлит? – запротестовала Марта. – Он поет, как веселый чайник.

Грант украдкой взглянул на нее. Значит, она готова защищать Джейсона. Интересно, насколько сильно она к нему привязана.

– Джейсон слишком быстро выдыхается, где уж ему бурлить.

– И в любом случае, – вставил Клементс, – те, кто предпочитает горячие ванны, не совершают убийств. Иное дело – приверженцы холодных обливаний: эти приходят в ярость по малейшему поводу. Они одержимы стремлением поскорее ощутить горячий ток крови после перенесенной мучительной процедуры.

– А я считал, что мазохисты редко бывают одновременно и садистами, – заметил Грант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.